

Елена Лапухина

Кружева

16+

Елена Лапухина

Кружева

«Автор»

2018

Лапухина Е. А.

Кружева / Е. А. Лапухина — «Автор», 2018

Этот роман, конечно же, тоже о любви, и ещё он о чудесах, которые постоянно встречаются в нашей жизни. Героиня романа видит вещие сны и получает знаки судьбы. Она целеустремлённая девушка, которая мечтает стать врачом и помогать людям. И ещё эта книга о том, что мечты сбываются. Если человек не заикливается на себе, а заботиться и любит тех, кто его окружает, то рано или поздно он будет вознаграждён. Так и героиня романа помогает окружающим её людям, не думая, получит ли она что-то взамен.

© Лапухина Е. А., 2018

© Автор, 2018

В больничном коридоре две девушки о чем-то спорили, отчаянно жестикулируя. Одна из них – невысокая, полноватая, светловолосая в белом халате говорила:

– Если он сейчас придёт, то я точно получу по шее. – Ребром ладони она показала, как именно будет проходить эта экзекуция.

Вторая девушка разительно отличалась от первой. Она была значительно выше и стройнее. Яркая, с хорошей фигурой, в красно-зелёном летнем сарафане, девушка привлекала взгляды многих мужчин. Её волосы: волнистая каштановая копна – явно была гордостью красавицы. Левую руку, прижав к груди, а правую выставив вперёд, она убеждала низенькую:

– Лариса, мне нужны эти полчаса. У моей бабули слишком принципиальный сын, и если я не успею вовремя, то он мне заплатит не всю сумму. Ларочка, ты же знаешь, что я горю с ипотекой. Я же и утром прихожу раньше и обедаю тут же. – Возбуждённо говорила высокая.

Та, которую называли Ларисой, отвечала:

– Извини Любаша, но, то, что ты приходишь раньше, никто не учитывает. Если же тебя не будет в рабочее время, это могут заметить.

– Скажи, что я пошла в лабораторию. – Продолжала Люба. – Тем более что у меня никаких грехов нет. В процедурном кабинете порядок, все журналы заполнены. И потом, Лариса! – Она решила привести последний довод. – Если на следующей неделе, я буду себя плохо чувствовать, и не смогу за тебя выйти, то все твои отгулы – тью-тью. – Сказала девушка, сделав театральный жест рукой.

– Ну ладно. – Сдалась Лариса. – Если что, придётся выкручиваться.

Люба махнула рукой и побежала вниз по лестнице. Этой богатой старушке она делала медицинские процедуры уже не в первый раз. Маргарита Игоревна привыкла к ней, и после курса систем и массажа, чувствовала себя намного лучше. Проблемой был её сын, который постоянно придирался к девушке и даже настоял на подписании договора. В нём было указано, что в случае опоздания, оплата будет снижена на 30 процентов. Люба прекрасно понимала, чем была вызвана такая строгость. Лев Семёнович работал каким-то большим начальником, имел семью, детей и постоянно заботился о своей престарелой матери, ежедневно посещая её. Первый раз девушка попала в их дом, больше года назад и была неприятно удивлена кастингом, устроенным сыном Маргариты Игоревны. Лев Семёнович потребовал от девушки не только копии документов об образовании и месте работы, но и справки о состоянии здоровья и даже обследовании гинеколога. Люба, ещё тогда предположила, что нанятая им медсестра должна была, видимо оказывать услуги не только матери, но и сыну. Девушка делала вид, что не понимает, чего от неё хотят. Она бы конечно отказалась от такой нервной работы, но здесь хорошо платили, а ей нужно было оплачивать ипотечные взносы. Лев Семёнович, наверное, искал повод избавиться от неё и нанять более сговорчивую, но Маргарита Игоревна требовала только Любу.

– Ну ладно, хватит о неприятностях. – Думала Люба, запрыгивая в трамвай. Сегодня её должны были рассчитать, а пригласят потом или нет, неважно. К тому же старушка обещала отвести её к своей соседке, может быть там будет спокойнее. – Размышляла девушка. Она рассчиталась с кондуктором и села у окошка. Ехать было довольно далеко, и Люба снова задумалась. Господь дал ей красивую внешность и такую трудную жизнь, видимо это идёт в комплекте. Она родилась в семье рабочих. С детства запомнился запах мазута и ещё чего-то технического. В ванной в большом тазу, всегда была замочены спецовки папы и мамы. От верхней одежды родителей пахло тем же. И в детском саду, куда водили Любу, от многих родителей исходил такой же заводской запах. В детстве её ругали родители, и шлёпала старшая сестра за то, что она убегала на пустырь, в то время как все дети играли во дворе. Девушка улыбнулась, вспомнив, как Полина тянет её за ручонку в свой двор, а она кричит:

– Не хочу туда, буду играть тут. Здесь цветочки пахнут, здесь бабочки летают. Здесь краасииивоо...!

– Ваша принцесса не может играть в нашем грязном дворе! Этой аристократке неземную красоту подавай! – Высказывала вечером сестра родителям.

Полина была старше Любы на девять лет, она вышла замуж в восемнадцать. Почти сразу же они с Семёном родили двух мальчишек погодок, и дома стало очень тесно. Семь лет девушка спала на диване в проходном зале и как только окончила школу, то сразу же поступила в медицинское училище. Люба мечтала об институте, но там были проблемы с общежитием, ей же нетерпелось покинуть свой диван в шумной, многолюдной квартире. Полина вздохнула с облегчением, так как жутко ревновала мужа к красивой молодой сестре. Люба ни кому не говорила, но основания для этого были. Порой подвыпивший Семён обнимал девушку и говорил:

– Любовь, а что, орган любви у вас отсутствует? – И хохотал, считая шутку очень смешной.

Она решительно стряхивала его руку и отвечала:

– Спит орган. Нет подходящего объекта! – И действительно, многие её сверстницы ещё в школе дружили с мальчиками и даже заводили серьёзные романы, но Любино сердце было на замке. Она была бойкой девушкой, за словом в карман не лезла, иногда ходила с друзьями на дискотеки. Как и её подружкам, Любе льстило внимание противоположного пола, но Его не было, а другие были не нужны. Ну и если честно, ей было просто не до любви. Уже где-то в шестом классе, к девушке пришло понимание, что если она хочет достичь чего-то в жизни, то ей нужно получить хорошее образование. Часто, по вечерам Люба корпела над учебниками, отказываясь гулять с друзьями. Полина, видя это, ехидничала:

– Смотрите, наша принцесса решила стать профессором!

Отец пресекал такие выпады, говоря:

– Пусть учится, сама то, школу на три с плюсом закончила, и (уж, замуж, невтерпёж).

Поступив в училище, девушка почти сразу начала работать, сначала нянечкой, а затем медсестрой. Со временем она обзавелась своими бабушками, которым ставила инъекции и делала массажи. Заканчивая учёбу в училище, Люба осуществила свою мечту – у неё появилась своя квартира. Немного помогли родители, добавив денег на первый взнос. Девушка долго выбирала и остановила свой выбор на двухкомнатной квартире по улице Иванова. Она решила, что лучше взять эту без отделки, чем полностью готовую однокомнатную квартиру, которая стоила даже дороже. Но теперь, после покупки жилья, ей стало ещё труднее, так как приходилось платить ипотечные взносы и зарабатывать на отделку своей жилплощади. Многие её коллеги по работе сейчас обсуждали когда и кем они едут отдыхать, а Люба каждый день совершала трудовой подвиг и просвета пока не предвиделось. Очнувшись от мыслей, она посмотрела в окно:

– Следующая остановка моя. Ничего, прорвёмся! – Сказала она себе и направилась к выходу.

Маргарита Игоревна дома была одна, и девушка вздохнула с облегчением. После проведённых процедур, старушка сказала:

– А теперь идём пить чай с пирогом. – Девушка пыталась возражать, но услышала. – Обижусь. – И пошла.

– Какой вкусный пирог! – Восхитилась Люба. – Это вы самистряпали?

– Я обладала многими талантами, а вот кулинарного дара никогда не имела. – Усмехнулась старушка. – Это Лёвушка купил и прислал мне с водителем. Ты Любонька не обижайся на него, раньше мой сынок был добрее. – Вздохнула Маргарита Игоревна. – Работа у него сейчас очень нервная, жена болеет и постоянно пилит, в общем, ему тоже нелегко. Ой, я же тебе должна отдать... – Она вышла из кухни и вернулась через несколько минут с конвертом и небольшим пакетом. – Это тебе, честно заработанные денежки, без всяких вычетов. –

Улыбнулась старушка, подавая конверт. – А вот это... – Маргарита Игоревна вытащила из пакета маленькое чёрное платье. – Много лет назад мой муж привёз его из Парижа. Такие вещи не выходят из моды, и ещё оно великолепного качества. Тут каждый шовчик – произведение искусства.

Люба замотала головой, но старушка, сунув ей в руки пакет, сказала:

– Тебе придётся его взять, чтобы не обидеть меня. Я надевала это платье несколько раз и чувствовала себя в нём королевой. На тебе это платье будет смотреться ещё лучше. Моя сноха в это платье не влезет, продавать я его не собираюсь. Когда я умру, они просто сгребут все мои вещи и выбросят, а это платье выбрасывать нельзя! Оно принесёт тебе счастье!

– Ну, хорошо. – Согласилась Люба. – Какие красивые кружева! – Она провела рукой по кружевным вставкам на груди, рукавчиках и подоле платья.

– Кстати о кружевах... Мы, сейчас, пойдём к моей приятельнице, ей нужно проколоть лекарство. – А к этому платью ещё есть вот такой симпатичный ошейничек. – Она подала полоску ткани, на которой сияли мелкие брошечки. – Это не бриллианты, дорогая, просто стразы хорошего качества.

Они спустились на два этажа ниже и позвонили в дверь, обитую чёрной искусственной кожей. Она открылась почти сразу. На пороге стояла маленькая старушка, напоминавшая сказочный персонаж. Она была одета в белую блузу с широкими рукавами, расшитую кружевом и красно-синюю клетчатую юбку. На ногах у маленькой женщины были надеты вязаные гольфы и черные кожаные узконосые туфли. Голова была повязана белым платком, с кружевами, опускавшимися на лоб. Восхищенная Люба с трудом удержалась от комментариев, но когда они вошли в комнату, то у девушки вырвалось:

– Боже! Как красиво!

Вся комната была заплетена кружевами. На окнах висели кружевные занавески, на столе кружевная скатерть. Высокая кровать была накрыта покрывалом, из-под которого выглядывали кружева. Кружевные накидки были наброшены на взбитые подушки. Кружевными салфетками были украшены комод, тумбочка, столик и полочки этажерки, стоящей в углу. И ещё везде стояли кружевные, накрахмаленные вазочки с сухоцветами и кружевными цветочками.

– Кто же делает такую необыкновенную красоту? Я не могу выразить свой восторг! – продолжала девушка.

– Это она. – Улыбнулась Маргарита Игоревна. – Наша кудесница. К ней из театров на поклон ездят, она ихних барышень всех обвязывает.

Смущенная старушка подала маленькую ручку:

– Меня зовут Серафима Матвеевна, а тебя красавица, как кличут:

– Любовь. – Ответила девушка. – Как же вы такими маленькими ручками сделали столько чудесных вещей.

– Спицы и крючок лёгкие. Люди лопатой работают, вот это тяжело. Пойдёмте, я вас чаем напою. – Пригласила старушка.

– Нет, нет. – Покачала головой Люба. – Маргарита Игоревна, уже и напоила и накормила. Если можно, я ещё немного полюбуюсь, а вы приготовьте, пожалуйста, лекарство и назначение, и если есть какие-нибудь ваши обследования и анализы.

– Ну ладно, вы тут общайтесь, а я пойду домой. Лёвушка должен приехать. – Сказала соседка, уже стоя у дверей.

Девушка подошла к гладильной доске, на которой хозяйка перед их приходом, разглаживала длинные куски салатного кружева и укладывала их слоями в коробку из-под обуви. Люба опять восхищенно покачала головой.

– Это для театра. Они часто заказывают. Любонька, а зачем тебе мои обследования? – Поинтересовалась старушка.

– Вы извините Серафима Матвеевна, я работаю медицинской сестрой в больнице и знаю несколько случаев, когда из-за невнимательности доктора назначалось не совсем подходящее лекарство. Я всегда проверяю, совпадают ли назначенные препараты с диагнозом, и только тогда делаю инъекции. Доктора тоже люди и иногда они ошибаются. Бывают случаи, когда хорошие лекарства могут нанести вред. Так что давайте всё сюда, я должна посмотреть.

Минут десять Люба, изучая документы, сверялась со своей тетрадкой и медицинской книгой, а затем улыбнулась и сказала:

– Поздравляю! У вас очень внимательный доктор. Где можно помыть руки?

После процедуры они договорились об оплате и времени. Серафима Матвеевна сказала:

– Любонька, я знаю, ты много работаешь, поэтому если ты будешь приходить, немного раньше или позже, то ничего страшного.

– Да?! Вот за это большое спасибо. Кстати, все документы я приносила Маргарите Игоревне, но если нужно, то я сделаю копии.

– Спасибо милая, мне достаточно слова соседки, а она говорит о тебе только хорошее.

Выходя из подъезда, Люба увидела, как Лев Семёнович достал из салона машины пакет и пошёл ей навстречу. Проходя мимо, он буркнул:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. – Ответила девушка. И неожиданно для себя окликнула мужчину – Лев Семёнович! – Он удивлённо остановился и посмотрел на Любу.

– Я хотела вам сказать, что вы замечательный сын. И ещё... я на вас несколько не сержусь.

Лев Семёнович кивнул в замешательстве, а девушка направилась на трамвайную остановку. Она не видела, как мужчина тоскливо посмотрел ей вслед и тихо сказал:

– Жаль, очень жаль...

Пританцовывая, Люба шла по тротуару. После посещения этой чудесной квартиры, ей было так хорошо, что хотелось пуститься в пляс. Она думала об этой волшебной сказочной старушке. С какой любовью всё сделано в этих полных света комнатах! Как там чудесно, только Свет и Любовь!

Проезжавшая мимо иномарка притормозила. Из окна, улыбаясь, на неё смотрел очень симпатичный молодой мужчина и махал рукой, приглашая подвести. Девушка скорчила ему забавную гримасу и отрицательно покачала головой. Парень улыбнулся ещё шире, посигналил и уехал.

В трамвае сидячих мест не было, и она прошла на заднюю площадку. Встав у окна, Люба опять стала рассуждать о своей квартире. Она выбирала дом очень долго. Это был не серый заводской район, а достаточно новый, но уже обжитой, с деревьями и клумбами. К тому же, до дома родителей было всего три остановки езды на автобусе. Дополнительным плюсом, выбранной квартиры было то, что на работу она могла ходить пешком. Любе нравилась планировка своей квартиры. В комнате, которую она называла спальней, была большая лоджия. Вторая комната была названа залом для приёмов и имела большую площадь, чем первая. Девушка улыбнулась, представив этот зал; там не было ни обоев, ни линолеума, ни дверей, а проём закрывал полог из полиэтилена. Пока удалось сделать только отделку кухни и туалета с ванной. В спальне выровняли стены, и папа Витя купил и настелил линолеум. На лоджии и в коридоре отец раскидал куски линолеума, которые ему отдал кто-то из друзей. Из мебели на кухне были только шкаф, стол и два табурета. Ещё Любе удалось купить новый японский холодильник, которым девушка очень гордилась. На окно мама Зоинька сшила очень красивые шторы из тюля и ткани цвета морской волны. Девушка абсолютно спокойно относилась к спартанскому образу жизни, вся мебель в её спальне поначалу состояла из дивана и табурета. Для вещей папа сколотил конструкцию, похожую на те, которые стоят в магазинах одежды, и теперь у неё на плечиках висели не только платья, но и простыни, полотенца, наволочки. Рядом с этим сооружением стояло шикарное зеркало, которое дополняло ощущение магазина одежды. Зеркало

было большое, в красивой белой оправе с позолотой. Это был подарок коллег по работе. Люба вспомнила своё новоселье, и произвольная улыбка заиграла у неё на губах.

Первые пару месяцев, после покупки квартиры, папа Витя и мама Зоя постоянно бегали к ней, пытаясь, навести хоть какой-то уют. Вернувшись с работы, Люба напоила родителей чаем и объявила, что завтра у неё состоится новоселье.

Папа с мамой опешили и спросили, куда же она собирается усаживать своих гостей? Девушка засмеялась и сказала, что праздник у неё будет в греческом стиле:

– Я им говорю, что у меня нет мебели, а народ требует новоселье. Вот постелю на пол эту клеёнчатую скатерть, а по краям накидаю одеял и подушек, будем на них возлежать, как греки на пирах. Сейчас сделаю пару салатов, купила две бутылки вина, фрукты... Обжираться вредно!

– И в какое время состоится это мероприятие? – поинтересовалась мама.

– После работы идём ко мне. Кто на выходном, тоже должны подтянуться.

Когда вечером Люба, вместе со своими гостями пришла домой, то остановилась от неожиданности. В спальне, рядом с диваном стоял новый стол, накрытый её скатертью. Стол был уставлен тарелками с бутербродами, мясными и рыбными нарезками, домашними соленьями и прочими деликатесами. С кухни пахло чем-то вкусным. На двух табуретах лежала широкая доска, покрытая покрывалом. С торцов стола, красовались два новых стула.

– Похоже, вечеринка в греческом стиле отменяется! – Воскликнул санитар Игорёк – В русском стиле мне нравится больше! Сколько жрачки! Ура!

Вспоминая об этом, девушка почувствовала, как в груди у неё потеплело. Милые родители, они не раз говорили, что уделяли ей мало внимания, и пытались теперь это компенсировать. Подходя к дому, девушка тихо сказала:

– Мой “Райский уголок”, ты ждёшь меня?

Свою квартиру, она называла про себя только “Райским уголком”. Закрывая глаза, девушка видела, как у неё всё тут будет. Какие будут висеть люстры, какую она купит мебель, какого цвета будут стены в комнатах и шкафчики на лоджии. Сегодня, после посещения квартиры Серафимы Матвеевны в её видениях вдруг добавились кружева. Люба уже собиралась спать, но вдруг вспомнила о чёрном платье. Стоя перед зеркалом, она не могла скрыть своего изумления. Из зеркала на неё смотрела девушка с подиума. Она собрала свою каштановую копну, подняла волосы наверх и заколола шпилькой. Маргарита Игоревна была права, платье ей очень шло. Любе показалось, что она стала похожа на кинозвезду.

– Ну ладно. – Подумала девушка, бросая платье в тазик. – Сполосну и повешу на плечики, может, будет повод надеть. Немного велико декольте и коротковато внизу, но оказывается я такая красивая...

Вся следующая неделя была очень загруженной. Лариса ушла в отгулы, Светочка ещё не вышла из отпуска, утром и вечером Люба бегала к Серафиме Матвеевне делать инъекции. Странно, но девушка совсем не чувствовала усталости, у неё как будто открылось второе дыхание. Сделав укол, Люба даже не хотела сразу уходить из этой светлой квартиры. По вечерам старушка рассказывала о своей жизни. Оказывается, маленькую Симочку вывезли из блокадного Ленинграда.

– Мне тогда было три года. – Вспоминала Серафима Матвеевна. – Но я хорошо помню, что нам всегда было страшно, гремели взрывы, и всегда хотелось кушать. Доктора говорили, что я потому и не выросла, что в детстве была голодная. Про родителей ничего не знаю. На бумажке, зашитой в пальто, было написано – Зуева Серафима Матвеевна – 3 года и всё. Уже работая на заводе, я пыталась найти кого-нибудь из родных, но безуспешно. Видимо все умерли...

В детском доме меня очень любила сестра-хозяйка тётя Клава. Женщина хотела забрать меня к себе, но ей не разрешили, потому что была больна и уже не молоденькая. Кстате тётя

Клава и научила меня держать в руках крючок и спицы. В детском доме я была самая нарядная, она мне, то кофточку свяжет, то шляпку, то из своей старой юбки выкроит маленькую юбочку. В детском доме у всех одежда была одинаковая, но мне, почему-то разрешали надевать ту, которую для меня шила и вязала Тётя Клава. Я училась в седьмом классе, когда её не стало, для меня это было как будто, умерла мама. Свою родную мать, из Ленинграда, я не помнила.

В двадцать лет я вышла замуж, мы вместе работали на заводе. Федор работал в горячем цехе, а я в девятом станочницей. Жили мы с Федей хорошо, ссорились очень редко, но только с ребёнком ничего не получалось. Я долго ходила по врачам, обследовалась, сказали, что вроде бы мы с мужем здоровы, но деток нам Бог так и не дал.

Серафима Матвеевна замолчала. Люба увидела, как она устала.

– На сегодня – всё! – Остановила её девушка. – Сейчас измерим кровяное давление, и я уйду, а вам пора спать.

По дороге домой Люба думала об этой маленькой бабулечке, которая имела очень слабое здоровье и при этом железную волю. Ни разу не пожаловалась, ни кого не ругает, работает столько, что молодые позавидуют. Она сама иногда ноет, правда, делает, это молча, но всё равно нужно прекращать.

Войдя домой, Люба громко сказала:

– Здравствуй, мой “Райский уголок”! И ей показалось, что в квартире стало больше света.

Утром, поставив укол Серафиме Матвеевне и осмотрев её, Люба отложила тонометр и покачала головой:

– У вас очень низкое давление и пульс слабенький. А давайте-ка я вам ещё один укольчик сделаю. – Девушка достала из сумки коробку с лекарством и отломала ампулу, не дожидаясь согласия старушки. Серафима Матвеевна замотала головой:

– Может пока не надо. – Сказала она.

– Это хорошее лекарство, вам будет лучше. – Настаивала Люба.

– Просто я вчера все деньги отдала Кларе. – Проговорили старушка, опустив глаза.

– Ни каких денег мне не нужно. – Улыбнулась девушка, набирая лекарство. – А кто такая Клара?

– Клара – это наша с Федей приёмная дочь. – Вздохнула Серафима Матвеевна.

Люба ввела лекарство и держала тампончик на месте укола, немного похлопав по руке:

– Я не знала, что у вас есть дочь. Вы скажите ей, пусть купит хорошую курагу. Вам было бы неплохо съесть каждый день по несколько штук.

– Хорошо, я скажу. – Тихо проговорила старушка, опустив глаза.

Первым кого увидела девушка, поднявшись в своё отделение, был Витёк из шестой палаты. Он как всегда скаламбурил по поводу её имени:

– Ура! К нам снизошла Любовь.

Мы долго ждали это чудо.

Больные чахли. Вдруг она,

Явилась к нам из ниоткуда... – продекламировал больной. Левую руку он выставил вперёд, а правую прижал к груди, в области сердца.

– Я тоже рада тебя видеть, Витёк. Как самочувствие? – Ласково спросила девушка.

Парень показал руку с оттопыренным вверх большим пальцем и сказал:

– Было великолепно, сейчас восхитительно, а вечером, наверное, будет вообще шикарно!

– Ну, вот и ладушки, скоро подойду, полежим под системкой. – Люба погладила парня по руке и пошла переодеваться.

У Виктора Дронова был врождённый порок сердца, осложненный тяжёлым заболеванием, перенесённым в детстве. Сейчас его готовили к третьей, очень серьёзной операции. Парня любили и персонал и больные за лёгкий характер, обычно его ласково называли Вить-

ком. Еще его называли “Женихом”, так как парень симпатизировал Любе. Он не раз предлагал ей руку и сердце, в полушутливой форме, зная всю правду о своём здоровье.

У процедурного кабинета её уже ожидали. Это был больной из одиннадцатой, поступивший вчера, и Варвара Федоровна из шестнадцатой. С улыбкой Люба сказала больным, что ещё рано и им нужно будет немного подождать.

– Мы же бездельники, нам не на работу, вот и толчемся здесь. – Проворчала женщина в своей манере.

– Ну, вот и хорошо. – Люба сделала вид, что не заметила недовольства женщины. – Вы Варвара Федоровна – человек ответственный, поэтому проследите, пожалуйста, чтобы здесь был порядок. Я сейчас всё приготовлю и вас приглашу.

Готовясь к процедурам, девушка думала об этой больной, которая лежала у них уже не первый раз. Варвара Федоровна живёт с семьёй сына и, похоже, не очень ладит со снохой. Характер у женщины был далеко не сахар, но девушка нашла ключик к ней и другим таким, же больным. Ещё в начале своей трудовой деятельности она работала вместе с пожилой нянечкой Марией Алексеевной, которая постоянно твердила Любе, что в каждом человеке есть что-то хорошее, нужно его только увидеть. Трудно быть добрым, когда у тебя что-нибудь болит, повторяла пожилая женщина.

Однажды, проходя мимо палаты, девушка услышала, как Варвара Федоровна отчитывала молодую женщину – соседку по палате, которую после родов беспокоили сильные боли в сердце. Та находилась в депрессии, так как причину заболевания не могли определить.

– Вставай! Иди, умойся, причешись, подкрась глазки, скоро муж прейдёт. Ты посмотри, на кого похожа; молодая, красивая, а превратила себя в какую-то квашню. – Говорила женщина соседке по палате.

Люба хотела вмешаться, но передумала и оказывается, правильно сделала. Через неделю эта молодая женщина выписалась, боли куда-то исчезли. Приготовив всё для инъекций, девушка выглянула в коридор и очень удивилась. Перед кабинетом сидели и стояли два десятка больных в идеальной тишине.

– Варвара Федоровна, а вы раньше армией не командовали? – Пошутила Люба.

– Да нет, армию мне не доверяли, а зря. – Тоже заулыбалась женщина.

Уколы, Люба чаще делала шлепком, это отвлекало больных, и они не успевали испугаться. Как обычно “перешлёпав” всех своих пациентов, она начала готовить оборудование для систем.

Витёк был одним из последних. Установив лекарство, и ещё раз проверив иголку, Люба собралась уйти, но парень в очередной раз пошутил:

– Так как же насчёт свадьбы?

Люба ответила ему, что не возражает, если он согласен подождать и повернулась к двери. Лежащий в углу, худой и очень несимпатичный мужчина с носом похожим на клюв орла, криво ухмыльнулся и сказал:

– Петух оципаный! Как же, выйдет за тебя такая королева!

Эта фраза больно резанула слух. Девушка развернулась и увидела, как улыбка сползла с лица Витька. Люба вспомнила об операции, которая ожидает парня. Все пытались повесить ему настроение, а этот... Замешательство длилось секунду, затем Люба вернулась к кровати парня, наклонилась и поцеловала его в щёку:

– Видишь Витя, как все завидуют нашему счастью. – Как можно веселей проговорила она. После этого, обращаясь к остальным четверым пациентам, добавила:

– Мне Виктор очень нравится, но мы решили поговорить о свадьбе позже, потому что мне нужно окончить институт, а ему восстановиться после операции. Пока. – Помахала она рукой, уже вновь улыбающемуся парню.

Обежать пришлось в одиночестве. Коллеги разбежались, оставив ей горячий чайник и три невымытые чашки. Люба ела свой домашний бутерброд, запивая чаем из бокала и думала о том, что Серафиме Матвеевне, почему то не становится лучше. Лекарство эффективное, прокололи больше половины, не понятно, рассуждала девушка. Мысли её, перекинулись на происшедшее в палате Витька, и она поняла, что теперь придётся изображать влюблённую. Ну да ладно, парень хороший, жалко его, думала Люба, моя посуду.

Закончился этот сумасшедший день. Переодевшись, Люба торопилась к Серафиме Матвеевне. У выхода из отделения её ждал Витёк, с мольбой в глазах, хрипловатым голосом он спросил:

– Ты правду сказала или пошутила?

– Такими вещами не шутят. – Ответила ему девушка. Ты, действительно мне нравишься, другого парня у меня нет, пока я замужем за медициной. Понимаешь, я очень хочу быть хирургом. – Боковым зрением Люба увидела мужчин около шестой палаты и положила руки ему на плечи, но прильнуть к себе не позволила. – А ты просто обязан выздороветь! Профессор сказал, что после операции у тебя очень хорошие перспективы. Много зависит только от тебя. Ну, всё, я тороплюсь, бабулечке делаю уколы. Пока! – Чмокнув парня, она побежала вниз по лестнице.

Выйдя из трамвая, Люба остановилась в нерешительности, а затем, решительно махнув рукой, и направилась к кондитерской.

– Ну как самочувствие? – Прямо с порога спросила девушка.

– Сегодня лучше. – С виноватой улыбкой, ответила старушка. – Приходила Маргарита Игоревна, ругала меня, отпаивала чаем.

– За что ругала? – Удивилась Люба.

– Да так... – Уклонилась от ответа Серафима Матвеевна.

Люба сделала укол, померила своей подопечной кровяное давление и снова покачала головой. Собрав стекло в пакетик, она сообщила, что сейчас, они будут, есть пирожные. Старушка хотела отказаться, но девушка в категоричной форме заявила, что хозяйка просто обязана напоить гостью чаем, и понесла коробку с пирожными на кухню. Люба наполнила чайник водой и поставила на конфорку, затем выставила на стол чашки и тарелочки для пирожных. Серафима Матвеевна сняла чайную куклу с заварочного чайничка и насыпала туда заварку:

– Какая хорошенькая... – Девушка бережно, как ребёнка, взяла куклу на руки. – Мне кажется, она похожа на вас, такая тяжелая... много кружева, да? Серафима Матвеевна, вы превзошли сами себя, ещё один шедевр! Если вы не возражаете, то я сфотографирую ваши работы и пошлю маме. Я ей рассказала про ваши изделия, и она тоже бы хотела их увидеть.

Старушке была приятна похвала, но она грустно улыбнулась:

– А Клара ненавидит мои работы, говорит, что сейчас в моде хайтек.

– Ну, я видимо, совсем не модная. Хайтек хорошо для организаций, где много сотрудников, легче проводить уборку. В своём доме должно быть красиво и уютно, ну это моё мнение.

Люба с удовольствием съела несколько маленьких пирожных, запивая чаем и вдруг заметила, что Серафима Матвеевна не доела даже одну.

– Вы, почему не кушаете, они очень свежие. – Удивилась девушка.

– Я мало кушаю. – Опустила глаза старушка.

– Но это слишком мало! – сказала Люба, закрывая коробку. – Съедите, когда появиться желание. Девушка, не обращая внимания на машущую руками хозяйку, открыла холодильник, собираясь поставить туда сладости. Держа в одной руке коробку, а второй придерживая дверку холодильника, она изумленно посмотрела на Серафиму Матвеевну:

– А вы вообще, что-нибудь едите? И как же мы с вами будем выздоравливать?

– Ничего Любонька, послезавтра принесут пенсию, и я куплю продукты. У меня макароны есть и крупа, Кларе срочно понадобились деньги.

Девушка только развела руками:

– Ну, это конечно ваши семейные дела, но я вас так не оставлю. Послезавтрашняя пенсия меня не успокаивает. Я сейчас пойду и куплю вам немного продуктов. Возражения не принимаются, как-нибудь потом подарите мне салфетку.

Возвращаясь, домой Люба ни как не могла успокоиться. Мысли о Кларе не давали ей покоя. Девушка не понимала, как можно быть такой эгоисткой и так жестоко относиться к матери. Подходя к своему “Райскому уголку” она решила, что как только немного освободиться, то непременно проколет маме Зоиньке хорошие витамины.

Сегодня Витьку сделали операцию. Люба провожала его, шагая рядом с каталкой. Держа парня за руку, она говорила:

– Показания у тебя хорошие, операцию будет делать профессор Калугин, всё будет замечательно, а потом великолепно. Я верю!

– Если ты веришь, то я спокоен. – Парень пытался изобразить улыбку бледными губами.

Девушка наклонилась и поцеловала парня в щёку, а потом помахала ему вслед. Поймав изумлённый взгляд Ларисы, Люба сказала, что отправила жениха на операцию.

– Жениха? Это что, сердце “Снежной королевы” оттаяло? Только кандидатура как то не очень.

– Тебе не очень, а меня устраивает. – Сказала Люба и ушла в процедурный кабинет.

Весь день она нервничала, и наконец-то Лариса сообщила, что Витёк в реанимации пришёл в себя. Увидев Любу, парень прошептал, еле шевеля губами:

– Ты пришла? Я молодец?

– Ты большой молодец! Разговаривать нельзя! Ты сейчас будешь спать, а завтра я к тебе обязательно приду.

Девушка задумчиво брела по коридору. У дверей шестой палаты, она увидела нескольких пациентов. Один из них Сергей подскочил к Любе и спросил о состоянии Витька. Она успокоила мужчин, сказав, что операция прошла успешно, и теперь остаётся только ждать.

Сегодня Люба должна была сделать Серафиме Матвеевне последний укол, а с завтрашнего дня у неё были уже два новых пациента, живущие рядом с домом. Это было конечно хорошо, но девушка переживала, что не сможет заглядывать к этой ставшей очень близкой старушке. Люба опять зашла в кондитерскую и купила небольшой ягодный пирог. В этот вечер они тоже долго разговаривали, запивая пирог душистым чаем. На этот раз Серафима Матвеевна кушала лучше и выглядела бодрее. Зайдя на кухню, девушка подошла к холодильнику и открыла его, сказав при этом:

– Простите за наглость. – На этот раз еда на полках появилась. Её было не много, но всё же... – У меня не больше. – Подумала Люба.

– Купила, купила. – Заулыбалась старушка. – Просто тогда у Клары были проблемы...

– Уже не в первый раз слышу про вашу Клару и удивляюсь её таланту решать свои проблемы, создавая их вам. – Сердито проворчала девушка.

– Да. – Сказала Серафима Матвеевна. – Клара с детства, была такая. Старушка задумалась на пару минут и продолжила:

– Когда нам с Федором сообщили, что детей у нас не будет никогда, я стала уговаривать мужа взять ребёночка из детского дома. Первое время он был непреклонен, но потом как-то переменялся. Он вдруг решил, что уйдёт раньше, и я останусь на этом свете совсем одна.

Мы решили взять девочку и уже почти выбрали Галочку с белыми как снег волосами. Федя шутил, что все галки чёрные, а у нас будет беленькая. Двухлетняя девочка была очень мила. Мы уже решили оформлять документы, но в коридоре в меня просто вцепилась пятилетняя Клара. Она истошно кричала, держась за меня:

– Ты моя мама! Забери меня домой, ты моя мама!

Двое воспитателей буквально отодрали девочку от моего платья. Несколько дней мы не приезжали в детский дом и всё это время, у меня в ушах стоял истошный крик девочки. Муж мне сказал, чтобы я решала сама, но он думает, что лучше взять Галочку.

Когда мы приехали в детский дом через неделю, всё снова повторилось. В конце концов, мы забрали к себе Клару. С детства я помнила, как мечтала о том, чтобы приехали родители и забрали меня домой, хотя у меня была тётя Клава. Другим детям было намного тяжелее, они все мечтали о своём доме.

Клара всегда была девочка с характером. Потом в детдоме мы узнали, что её трёхлетнюю подбросила пьющая мать. На теле девочки были синяки и ссадины. Фамилия и имя этой женщины были известны, но она уехала, куда-то с очередным мужчиной и канула, но и мы её, конечно, искать не собирались. Клара училась на троечки, была непослушной, рано начала интересоваться мальчиками. В восемнадцать лет она собралась замуж, ни какие уговоры не помогли. Домой Клара вернулась в двадцать два. После школы, дочь ни куда поступать не стала и устроилась в овощную палатку, откуда частенько приходила выпившая. Федя очень расстроился и в итоге мы собрали все наши сбережения, немного заняли и купили ей однокомнатную квартиру. Лет десять мы жили спокойно. Клара вышла замуж за хорошего парня и всё у них вроде бы наладилось. Оказывается, мы много не знали, Коля ушел от неё через некоторое время, сказав, что она сделала из него психопата. После этого у нашей доченьки было несколько мужчин. Нас она в это время сильно не беспокоила; не помогала, но и ничего не требовала. Всё изменилось пять лет назад, когда умер Федя. Теперь Клара регулярно ходит ко мне и требует, чтобы я переехала в однокомнатную, а ей отдала эту квартиру.

Люба покачала головой, но перебивать не стала. Серафима Матвеевна продолжила:

– Я отдаю Кларе почти всю пенсию, а сама живу на деньги от заказов. Понимаю, что эта квартира намного дороже, но не могу представить, как я уеду отсюда, где мы с Федей столько лет... Ей нужна моя квартира, чтобы продать её и на эти деньги уехать в Канаду. Уже год как Клара переписывается с мужчиной оттуда. Зная дочь, думаю, что если я даже дам ей денег, она бы всё равно будет выгонять меня из дома. Кларе уже сорок два, говорит, что это её последний шанс.

– Серафима Матвеевна! – Горячо заговорила Люба. – С завтрашнего дня, я буду, десять дней ставить уколы двоим больным, потом когда освобожусь, давайте встретимся с Кларой. Мы сядем все вместе и поговорим, она же должна понять.

– Думаю что это бесполезно, но давай попробуем. Говорит твоё тряпье и эти кружавчики нужно выбросить на помойку. А это же моя жизнь! – почти простонала старушка, тоскливо посмотрев вокруг себя.

– Как же такое можно выбрасывать? – Люба снова взяла чайную куклу и погладила её рукой. – Такого ведь, ни в каком магазине не купишь. Глядя на такие вещи, даже настроение поднимается. Мне кажется, Клара просто злиться потому, что вы не хотите продавать свою квартиру, а выбросить такое нельзя!

– Она сможет. – Опять грустно сказала Серафима Матвеевна. – Поэтому я, наверное, сейчас соберу кое-что из постельного белья, салфетки, коврики и отдам в музей. Я им уже дарила некоторые вещи, думаю, что там будут рады. И ещё хочу тебе Любонька... на память... – Она вышла и через минуту вернулась с коробкой. Сняв с неё крышку, старушка достала две белоснежные салфетки разного размера. – А вот это. – Серафима Матвеевна достала куски ярко-красного тонкого кружева. – Ты можешь использовать при шитье платья. Это круглое на шею, а эти куски на рукава и подол. Я когда-то такое же, синего цвета, сделала для одной столичной модницы. Ты Люба, девушка яркая, тебе красное будет хорошо. Как нравится?

– Очень нравится, только тут столько много работы. Может быть это лучше продать, деньги вам понадобятся.

– Можно продать, но я хочу, чтобы у такой красивой и доброй девушки как ты было необычное платье. И что бы надевая его, ты Любонька, вспоминала свою странную пациентку. – Улыбнулась Серафима Матвеевна.

– Спасибо большое. – Сказала девушка, обняв маленькую мастерицу.

Следующие десять дней тоже были очень напряженными. Витёк находился в реанимационной палате, и Люба старалась забежать к нему каждую свободную минуту. Она действительно очень привязалась к парню, но это была жалость, любовь к брату, но не к мужчине. Видя, как у парня розовеют щеки, против Любиных посещений не возражала даже Ирина Георгиевна – старшая медсестра. У мамы подскочило давление и заболели Ёжики, племянники Любы – Серёжка и Антошка, поэтому она частенько бегала в родительскую квартиру. После работы девушка делала инъекции на дому, двоим своим больным. Несколько раз она звонила Серафиме Матвеевне, но та или не слышала звонок или была на улице. Наконец-то в конце недели в трубке раздался голос старушки:

– Да, спасибо большое, чувствую себя нормально. – Ответила она.

– Видимо доченька в гостях. – Подумала Люба. – Может быть, не только нервы будет трепать, а ещё и позаботиться о матери.

Ко всем заботам добавились неприятности на работе. Больной из четвёртой палаты покрылся сыпью, и главврач потребовал с девушки объяснительную записку, точно ли она выполнила все назначения врача. Люба нервничала весь день, а к вечеру больной признался, что съел больше килограмма апельсинов.

Утро выдалось довольно прохладное. Люба шла на работу, слегка поёживаясь от холода. Она шла и думала, что сегодня можно было бы накинуть курточку, но так как медленно она не ходит, то замёрзнуть не успеет. К тому же днём должно быть тепло. Проезжающая мимо машина остановилась, в ней сидели двое молодых парней. Один из них улыбаясь, спросил, дома ли она ночевала?

Люба сделала наивное лицо и ответила вопросом на вопрос:

– А что, так заметно?

Парень снова засмеялся и сказал:

– Ну да, королева с такими глазами одна быть не может. Счастья тебе красавица! – Молодые люди помахали ей руками и поехали дальше.

– Что это они все про глаза? – Думала девушка, шагая дальше. Недавно встретила одноклассника Костю, который сознался, что был в неё влюблён. Сейчас он уже женат, имеет сына. Костя был очень рад встрече и спросил как у неё на личном фронте, а когда Люба ответила что всё хорошо, то он сказал:

– Ну да, в твоих глазах утонуть можно, заметно, что у Любови с любовью полный порядок.

– Какие глаза, какая любовь? Тут работаешь как лошадь. Интересно, какие глаза у усталой лошади? Видимо томные. – Подумала Люба и ей стало весело от собственных мыслей, неожиданно для себя она беззвучно рассмеялась.

Идущий навстречу мужчина, сначала удивленно приподнял брови, а потом тоже радостно улыбнулся. Девушка поморгала, а затем кивнула и прошла мимо, ей стоило больших усилий, чтобы вновь не рассмеяться.

– Ломай, ломай теперь голову, где ты видел эти томные глазки? Возможно, я вам делала инъекцию в ягодицу. – Думала улыбающаяся Люба, перебегая дорогу перед больничным парком. – Дожилась, в двадцать два года, оказывается, стыдно быть девственницей. Вдруг загрустила девушка. На работе все пристают, выпытывают про личную жизнь. Сестра постоянно ворчит, переживает, что младшенькая останется старой девой. Да не хочу я просто так! Буду только с тем, кого полюблю! Может Семён прав и у меня этот орган отсутствует? Значит, буду одна! Выучусь и стану великим хирургом! – сказала она сама себе перед входом в больницу.

Переодевшись, Люба направилась в процедурный кабинет, но вдруг резко развернулась и пошла в сторону реанимационной палаты. Она обещала Витьку зайти в обед, но он же, как ребёнок будет ждать и переживать. Времени до процедур ещё было достаточно, и она решила помахать братику рукой. Вдруг девушка осознала, что была бы рада иметь такого доброго, весёлого, неунывающего брата как Витя.

Навстречу ей шла Лариса, она сообщила, что Любиного жениха после обхода переводят в обычную палату.

– Ну, вот и хорошо. – Обрадовалась Люба. – А в какую?

– Сказали освободить место в шестой, друзья тут толпой ходят, просят. – Фыркнула Лариса. – Пойдём с нянечкой, перекинем дедушку в соседнюю палату.

Добежав до реанимации, она помахала Витьку через стекло. Тот сразу же оживился и послал Любе воздушный поцелуй. Девушка показала на пальцах, что его переводят назад в шестую и парень радостно закивал.

У дверей процедурного кабинета сидела Варвара Федоровна и ещё несколько пациентов.

– Ну, если наш генерал на месте, то я спокойна. – Пошутила Люба. – Через пять минут начнем. – Женщина в ответ довольно заулыбалась.

Раскладывая стерильные салфетки, шприцы и ватные тампоны, девушка думала об этой больной. Приезжает в больницу как ёжик, а немного пообщается с людьми и становится значительно добрее. Нужно будет поговорить с сыном Варвары Федоровны...

Во время перерыва, Люба спустилась вниз и сорвала немного полевых цветов. В палате Витька ещё не было. Она поставила на тумбочку около кровати вазочку с цветами, стакан с морсом, накрытый салфеткой и кусочек шарлотки на тарелочке. Мужчины, в палате молча, смотрели на девушку, а Сергей спросил:

– Ни как не пойму, чо у вас прям такая любовь?

– Нет, у нас не прям такая, а просто любовь!

Больше возможности забежать в шестую палату в этот сумасшедший день у Любы не появилось. Поступило много новеньких и пришлось разбираться с назначениями. Напугала бабушка из одиннадцатой, у неё случился сильнейший приступ. Наконец-то закончив всю работу, девушка решила ненадолго зайти в палату к своему Витьку, а потом съездить к Сергафиме Матвеевне.

Зайдя в палату, Люба увидела, мужчину и женщину, они сидели рядом с кроватью Виктора.

– Вот она, моя Люба. – Радостно сказал парень. – А это папа и мама.

Мужчина лет сорока пяти, высокий широкоплечий сжал её руку и представился:

– Александр Иванович. – В его взгляде читалось изумление, восхищение и ещё что-то такое... Девушке показалось, что он её обнял и притянул к себе. Этот взгляд её смутил, а такое случалось не часто. В Витьке этого нет – подумала Люба. Следом руку протянула мать Виктора:

– Ирина Сергеевна. – Сказала женщина. Она была стройная, с темно-русыми волосами и большими серыми глазами.

Видимо в молодости была красавицей. Промелькнуло в голове у Любы. Она и сейчас выглядела неплохо, вот только глаза... они были наполнены страданием и болью. Справившись со смущением, девушка сказала:

– Я разговаривала с доктором, Виктор у нас молодец. Реабилитация идёт лучше, чем ожидали, но расслабляться нельзя. – Она погрозила пальцем молодому человеку. – И тогда скоро будем танцевать.

– На свадьбе. – Продолжил Витёк, при этом он подался вперёд и сразу сморщился от боли.

– Ну что ты будешь делать с этим хулиганом. – Дернулась к нему Люба. – Вечером медсестра снова поставит обезболивающее лекарство, а завтра утром у нас системка.

Ирина Сергеевна захлопотала вокруг сына, не зная чем ему помочь, но Виктор уже справился с болью и пошутил:

– Всё хорошо мама, просто очень хотелось потанцевать на свадьбе.

– Зачем тебе безграмотная жена? Вот, окончу институт, и у тебя будет личный доктор, тогда и будем танцевать. К сожалению, мне нужно идти, я еду к одной старушке. До свидания. – Сказала она родителям Витька, затем наклонилась и поцеловала его в щеку.

Выходя из палаты, девушка услышала:

– Люба подожди, пожалуйста! – К ней спешила Ирина Сергеевна. – Я тебя провожу. – Сказала она, идя рядом. – Как наш мальчик намучился. – Вздохнула женщина. – Он у нас такой добрый. У вас с Витей это как? – Ирина Сергеевна очень внимательно посмотрела на Любу.

Девушка опустила глаза и ответила, что потом будет видно. Мать поняла всё сразу. Она вздохнула и сказала:

– Спасибо тебе девочка! Ты хорошая!

Люба задумалась, глядя в окно трамвая. Она вспоминала события сегодняшнего дня. Счастливый Витёк, знакомство с его родителями, наплыв новых больных, переполох в одиннадцатой палате. Вдруг девушка вспомнила взгляд Александра Ивановича, и что-то странное произошло в организме.

– Видно все органы у меня на месте. – Смущенно подумала она. – Будь он моложе и не был бы отцом Витька, то я, наверное, смогла бы полюбить такого мужчину.

На этот раз в кулинарию Люба заходить не стала. Вчера она больше часа провела вечером на кухне и испекла шарлотку. В её кулинарном архиве было всего три блюда, которые девушка любила сама и умела хорошо готовить. Это были борщ, винегрет и вышеупомянутая шарлотка. Пирог, Люба приготовила на большом листе, и его хватило, чтобы угостить всех. За утренним чаем шарлотку нахваливали коллеги, небольшую порцию она отнесла Витьку и для Серафимы Матвеевны тоже оставила несколько кусочков.

Дверь ей никто не открывал. Подумав, Люба позвонила поочерёдно в две соседние квартиры, но и тут её ждала неудача. Старушка знала, что Люба придет, вечером она не гуляет... Девушка начала волноваться. Постояв в нерешительности, она поднялась выше и позвонила в квартиру Маргариты Игоревны, которую тоже встревожило отсутствие соседки. Она сказала, что была у неё днём, и с той всё было нормально. Посоветовавшись, они решили, что нужно пойти и попробовать позвонить ещё. В квартире Серафимы Матвеевны было также тихо. Маргарита Игоревна развернулась и стала стучать в квартиру напротив.

– Давай-ка Люба присоединяйся. Детей видно нет дома, а этой глухой тетере нужно стучать кувалдой, на звонок она не реагирует.

Они барабанили нескольких минут, затем дверь действительно отворилась и на пороге оказалась древняя бабуля. Маргарита Игоревна, очень громко начала выяснять видела ли она соседку или нет и та после трех десятков, "а" и "чо", рассказала, что была дочка, а Серафиму Матвеевну увезла скорая помощь. Расстроенные они снова поднялись в квартиру Маргариты Игоревны. Попытки дозвониться Кларе ничего не дали.

– Давай попьём чайку, а потом попытаемся позвонить ей ещё раз. – Сказала хозяйка и пошла, готовить чай. Люба помыла руки и стала выкладывать пирог на тарелку.

– Попробуйте шарлотку, вчера стряпала. – Предложила она.

Маргарита Игоревна откусила кусочек и не смогла скрыть удивления:

– Ммм, очень вкусно, какие ещё таланты у вас имеются? Может, вы стихи пишете, девушка?

– Нет. – Улыбнулась Люба. – Стихи не пишу, а вот крючком вязать попробовала, немного получается. Так что же всё-таки случилось с Серафимой Матвеевной? – опять загрустила она. – Наверное, сердце, она такая слабенькая!

– Конечно, будешь тут слабенькой... – Серdito заговорила Маргарита Игоревна. Я Лёвушку, даже ругаю, понавезёт мне и еды, лекарств и фруктами заваливает. Много ли мне сейчас нужно? Эта же бесстыжая Клара выгребает у Симочки все деньги и требует, требует... Серафима, говорит, что у неё есть какие-то сбережения, она пыталась откупиться от доченьки, но та, ни в какую, квартиры, то у нас дорогие.

Они ещё несколько раз набирали телефонный номер Клары, но он был недоступен. Люба, собралась домой, сказав, что попытается выяснить, куда увезли Серафиму Матвеевну.

– Здравствуй мой “Райский уголок”! – Расстроено проговорила девушка, войдя вечером в свою квартиру.

Люба приготовила себе на работу бутерброды, убрала всё в холодильник и вдруг вспомнила... Коробка с кружевами стояла за кроватью, она вытащила салфетки и ту, которая больше положила посередине стола. Девушка тщательно разгладила её руками и сказала:

– Держитесь, Серафима Матвеевна, держитесь моя хорошая!

Ночью Люба увидела странный сон. Девушка шла между каких-то кустов и периодически видела впереди Серафиму Матвеевну, которая манила её к себе руками. Под утро Любе приснился высокий светловолосый парень с голубыми глазами, он радостно улыбнулся, а затем скорчил ей рожицу.

Переодевшись, Люба побежала в шестую. У кровати Витька уже сидела его мама. Девушка поздоровалась с пациентами, а затем сказала:

– Вы ранняя гостья.

– Да. – Сказала Ирина Сергеевна. – Муж уехал домой, в деревню, а я пару недель поживу здесь у сестры. Буду ухаживать за сыном.

– Это очень хорошо. – Кивнула девушка, а то наш золотой мальчик очень непослушный, не всегда выполняет рекомендации врачей. Теперь раз вы рядом, то я спокойна. Если вам что-нибудь понадобится, то я в процедурном кабинете, обращайтесь. Где то через час, зайду.

Перебирая назначения, Люба прочитала – Зуева С.М. – четырнадцатая палата. Она выскочила в коридор, попросила пациентов, ожидавших инъекции немного подождать, и побежала по коридору.

Серафима Матвеевна лежала на кровати около окна.

– Как же вам не стыдно? Приглашаете в гости, а сами где-то гуляете. – Сказала, улыбаясь, Люба. Она взяла в руки маленькую ручку старушки и тихонько сжала.

– Ты уж прости Любонька. Вот так, всех я подвожу. – Слабым голосом проговорила пожилая женщина.

– Я так обрадовалась, что вы здесь, что сразу простила. Подойду через часик делать укол, тогда и поговорим. – Она поправила одеяло и вернулась в процедурный кабинет.

Как обычно Люба перешлёпала всех больных и подошла к лечащему врачу, чтобы узнать про своих подопечных. Татьяна Сергеевна удивилась:

– Любаша, у тебя уже двое блатных?

– Ну, так получилось, Зуева мне тоже близкий человек. – Смутилась девушка.

– Хорошо. – Сжалась доктор. – Дронов, наш любимый Витёк идёт на поправку, хотя конечно клапан работает не идеально, но я думаю молодой организм справиться. Если всё пойдёт хорошо, то, наверное, через год, он будет практически здоров. А вот у Зуевой ситуация не очень. Инфаркт, учитывая возраст и крайне ослабленный организм, никаких гарантий дать, не могу.

– Она же блокадница. – Горячо заговорила Люба. – Её в три года вывезли из Ленинграда.

– Да-а... Нужны документы. Я постараюсь выпросить одно хорошее лекарство у Бориса Яковлевича. У него есть немного, но это резерв для участников войны. Кстати. – Вспомнила Татьяна Сергеевна. – Наш Бойцов уходит на пенсию, в сентябре у нас будет другой – молодой заведующий кардиологией. Не знаю хорошо это или плохо? Может, будет придирается?

– В сентябре я буду работать по ночам, так как поступила в медицинский институт, днем нужно учиться. Так что, большую часть времени буду лишена внимания начальства. Бориса Яковлевича жалко, с ним было спокойно работать, а с новым ещё неизвестно.

Татьяна Сергеевна покачала головой:

– Днём учиться, а по ночам работать? Трудно...

– Ничего прорвёмся! – Улыбнулась девушка и пошла к себе.

После инъекции Люба спросила Серафиму Матвеевну, можно ли попросить Клару, чтобы та привезла её блокадные документы. Старушка покачала головой и сказала, что не думает, что она найдёт свободное время. Затем она спросила, для чего они нужны. После того, как девушка объяснила про резерв, она устало сказала:

– А может и не нужно мне это лекарство, пусть ставят тем, кому нужнее.

– Отставить такие настроения, а как же театры без вас будут обходиться? – Возразила Люба.

Старушка показала на ящик тумбочки:

– Там паспорт, деньги и ключи от квартиры. Если хочешь, съезди ко мне домой, документы лежат на кухне, в шкафу у окна.

В сумочке лежали только ключи и паспорт.

– Но? – опешила девушка. – Вдруг Клара...

– Клара стала совсем как чужая, из-за квартиры она меня возненавидела, и не расстроится, если я умру. Документы, она конечно, для меня не повезет.

– Ну, хорошо. – Согласилась девушка. – Я попрошу Маргариту Игоревну сходить со мной в вашу квартиру.

– Как хочешь. – Сказала Серафима Матвеевна и закрыла глаза обессиленная.

Расстроенная Люба шла по коридору, грустные мысли одолевали её. Она отошла к больной стене и набрала номер мамы Зоиньки, женщина обеспокоенно спросила, всё ли у неё в порядке. Обычно они созванивались по вечерам, и родители знали, что утром дочь очень занята. Люба поспешила успокоить мать, сказав, что у неё всё хорошо, и она просто хотела узнать про мамино давление.

– Давление у меня сейчас хорошее, чувствую себя прекрасно, потому что моя доченька почти доктор, и помереть мне не даст. – И потом продолжила уже серьёзно. – Эти уколы и таблетки Любонька, действительно очень хорошие, спасибо тебе родная.

– Вот и хорошо! Целую. – Сказала Люба и отключилась. Голос мамы немного успокоил. Она двадцать лет проработала станочницей на заводе, а последние два года женщину стало подводить здоровье и ей предложили перейти в службу охраны завода. Мамочке стало немного легче, но она так не любила ходить по больницам, что Любе пришлось штудировать специальную медицинскую литературу и подбирать ей лекарство самостоятельно.

Ирины Сергеевны в палате не было, Витёк сказал, что она пошла за водой.

– Хорошо. – Ответила Люба. – Я скоро освобожусь и всё ей покажу, а пока давай руку. Когда лекарство пошло, парень хитренько сказал:

– А поцеловать? – Девушка, так же лукаво посмотрела на него и спросила:

– Наш мальчик хорошо себя вёл? – Парень кивнул:

– Слопал целую гость таблеток, хотя у меня от них изжога.

– А ты сказал об этом Татьяне Сергеевне? – встревожено спросила Люба,

– Сказал. – Кивнул Витёк. – Обещала, что вместо двадцати штук буду принимать только девятнадцать.

– Ну, тогда поцелую. – Она коснулась губами его щеки, а затем взъерошила парню волосы.

Всё пациенты, молча, наблюдали за ними, а потом Сергей сказал:

– А я тоже молодец. Меня поцелуешь?

Люба сделала наивные глаза и ответила:

– Вот и умница, а поцеловать не могу, Виктор не разрешает. – Краем глаза он увидела довольную улыбку на лице Витька и вышла из палаты. Она шла по коридору и думала, что совсем заигралась, но ей действительно нравился этот парнишка; как брат, как друг. Ещё ей было очень жалко Витю и нравилось видеть улыбку на его бледном лице, когда она изображала из себя влюблённую. Ну ладно, через год он будет здоров и, наверное, не захочет ждать, пока она закончит учёбу. Возможно, молодой организм возьмёт своё и он влюбится в другую девушку, которую не нужно будет ждать столько лет.

Каждую свободную минуту она бегала то к своему Витьку, то к Серафиме Матвеевне. Помогала Ирине Сергеевне освоиться в отделении. Большие проблемы были с тетёй Симой, как её теперь называла Люба. Она совсем не хотела кушать, и приходилось поить её жидкой кашей. Видимо старушку одолевали грустные мысли, она безучастно смотрела в потолок. Девушка поделилась своими тревогами с Татьяной Сергеевной и та назначила Серафиме Матвеевне снотворное. Врач решила, что пусть больная лучше спит и не мешает организму выздоравливать.

Вечером Люба созвонилась с Маргаритой Игоревной и сообщила, зачем она приедет. Когда девушка рассказала пожилой женщине, что в сумочке у тётки Симы денег не оказалось, та сразу заявила, что это работа Клары.

В квартире, как всегда был идеальный порядок, но на кухне на столе стояла чашка с недопитым чаем, а осколки второй были разбросаны по всей кухне.

– Всё понятно! – Серdito сказала Маргарита Игоревна. – Эта стерва устроила очередной скандал и довела Симочку до инфаркта. Носит же земля таких людей. – Она открыла холодильник, он был почти пустым. Возмущению старушки не было предела: – Во всём себе отказывает, копит деньги, чтобы откупиться от этой заразы, а она на меньшее не соглашается, ей всё подавай! Гадина! Прости меня Господи! Как вспомню об этой Кларе, так начинаю ругаться.

Девушка бережно взяла в руки чайную куклу, а затем прижала её к груди и погладила как ребёнка.

– Вы замечаете, как она похожа на тётю Симу, обожаю эту куколку. – Спросила она у Маргариты Игоревны.

– Да действительно. Раньше не обращала внимания, вылитая Симочка.

Они вместе нашли документы. Люба вымыла посуду, вымела осколки посуды и прихватила с собой мусорный пакет:

– Выброшу эти отрицательные эмоции, но Клара со своим скверным характером, конечно, может снова заполнить всю квартиру негативом.

– Да, за ней не заржавеет. – Подтвердила Маргарита Игоревна. Девушка задумалась, а затем обратилась к старушке:

– А если я позову Серафиму Матвеевну пожить у меня после больницы? Как вы думаете, она согласится? У меня правда не доделан ремонт, но ей там будет спокойно, я совсем мало бываю дома. Да и присматривать за ней нужно будет, после инфаркта.

– Не думаю, что Сима согласится. Я ей уже говорила, чтобы она не открывала дверь. Передала бы деньги через нотариуса и пусть эта Клара едет в свою Канаду. Предлагала пожить у меня и отключить телефон, а Симочка – светлая душа, только повторяет как заколдованная: – Она должна понять... Я ей хочу объяснить... – Ну что можно объяснить этой наглай бабе. Она, конечно, поймёт, но только тогда когда жизнь её саму, стукнет по голове, а это точно будет. Господь Бог всё видит. – Кипела пожилая женщина.

Люба покачала головой и сказала, что ей нужно торопиться, так как она делает пациенту массаж в своём районе.

– А ты всё пашешь, как заведённая? – Укоризненно спросила Маргарита Игоревна.

– Пашу. – Согласилась девушка. – Но когда я прихожу ночевать в свою квартирку, то чувствую себя счастливой. – Напоследок она погладила чайную куклу по голове и положила в

сумку недоделанную работу и крючок тети Симы. Немного подумав, Люба сняла с тумбочки и положила туда же белоснежную салфетку с тумбочки. Соседка понимающе кивнула:

– Это хорошо, она без своего кружева, как без воздуха.

Девушка помогла донести старушке два цветочных горшка и побежала на остановку. В трамвае Люба прошла на заднюю площадку, и сразу увидела Его... В иномарке, обгонявшей трамвай, сидел тот светловолосый красавец, которому она когда-то скорчила рожицу. Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу, а затем машина ушла вперед. Девушка двумя руками схватилась за пылающие щеки, сердце её сладко защемило.

Люба всегда знала, что она красивая, еще в школе многие мальчишки уделяли ей повышенное внимание. Compliments сыпались на девушку в больнице и на улице, ей постоянно пытались назначить свидание. Это всегда было приятно слышать и только... Что же случилось сегодня? Всю дорогу до своего дома она пыталась успокоиться и освободиться от чар этих глаз, заглянувших в её душу.

Шагая к своему больному, Люба пыталась убедить себя не думать о Нём. Она шла и размышляла о том, что возможно больше никогда не встретит этого человека. Скорее всего, он вообще её не видел, просто обгонял трамвай. О том, что довольно думать о глупостях и нужно идти работать. На этот раз установка не сработала. Девушка думала о Нём и когда делала массаж Борису Ивановичу и когда занималась домашними делами... Засыпая, она видела Его глаза.

Пробуждение было резким, как будто что-то щелкнуло в голове, хотя будильник она отключила ещё вечером.

– У меня выходной. – Подумала Люба, а затем вслух сказала: – Сплю до восьми. – В комнате было ещё темно, поэтому ей удалось задремать.

Он подошёл к ней с изумленно радостным лицом. Люба протянула ему руку. Он взял её правой рукой за запястье, а левой тихонько сжал ей пальцы. Не сводя с девушки сияющих глаз, Он немного наклонился и поцеловал тыльную часть её ладони. Счастье!!! Ощущение счастья наполнило всю её сущность как вода хрустальный кувшинчик, по самую крышечку.

Бешеный стук сердца разбудил девушку. Она открыла глаза, за окном было светло. Ещё несколько минут Люба ощущала присутствие Его и след от поцелуя на руке.

Она расчесывалась, стоя у зеркала. На девушке были надеты трусики и маечка на тонких бретельках. Люба откинула назад свою густую каштановую гриву, и встала боком, рассматривая себя. Длина волос доходила до лопаток, грудь в норме; не очень большая, но и не маленькая, спина прямая, тонкая талия, длинные стройные ноги...

– Интересно, понравилась бы я ему? Нормально, Любонька, химия ударила нам в голову. – Спросила и сама себе ответила девушка, вспомнив как в медицинском училище, они разбирали любовь на химические элементы.

Немного подумав, она заплела у висков две косички и закрепила их заколкой на затылке. Обычно Люба свои шикарные волосы закручивала в узел и прятала под белой шапочкой, но сегодня она шла в отделение в качестве посетителя и поэтому изменила причёску. Она достала из своего импровизированного шифоньера чёрную шёлковую юбку, бирюзовую кофточку и повесила на передний план. Юбку сшила мама Зоинька. Три присборенные полоски ткани, нашитые одна на другую, придавали ей пышность и делали очень эффектной. Люба уже не раз её примеривала, но одеть не решалась, так как юбка казалась ей короткой. То же самое было и с блузкой, купленной год назад, которая очень шла к зелёным глазам девушки, но казалась слишком обтягивающей.

– Ну и пусть. – Подумала, вдруг осмелевшая Люба. – В конце концов, мне двадцать один год. Когда это ещё носить, если не сейчас? Почти двадцать два. – Поправила себя девушка. – Пятое августа уже через неделю.

Сегодня она приготовила овсяную кашу с курагой и куриный бульон, позавтракав сама, она наполнила баночки для тёти Симы и Витька. Девушка надела одежду, и подошла к зеркалу, оценивая свой изменённый образ. Немного подумав, она достала косметичку и слегка подкрасила губы и ресницы. По дороге в больницу Люба убедилась, что эта одежда более смелая, чем та, которую она носила обычно. Сначала с ней пытался познакомиться молодой человек. Он шёл рядом метров пятьдесят, пока не понял бесполезность своих намерений. Позже девушку рассмешил пьяный мужчина, который стоял перед переходом, недалеко от больничного парка. Слегка покачиваясь, он раскинул руки по сторонам, и, глядя на Любу, громко декламировал слова из песни:

– Потому что нельзя быть на свете красивой такой...

Она дождалась пока проедет автомобиль, поднырнула под рукой мужчины и перебежала дорогу. Пересекая больничный парк, девушка мысленно ворчала по поводу того, когда тот успел напиться, ведь ещё нет и десяти часов, но улыбка долго не сходила с её лица.

Люба зашла в своё отделение и сразу увидела Его. В конце длинного коридора, Бойцов пропустил высокого мужчину впереди себя и сам зашёл за ним в свой кабинет. Девушка придержала сердце, которое собиралось выпрыгнуть наружу:

– Нет, это уже не нормально, мне везде мерещится этот незнакомый человек. Может быть, это какое-то нервное заболевание, потом прочитаю литературу. – Думала Люба, подходя к шестой палате.

– Ничего себе! И такое прятать! – Присвиснул Сергей, выходя ей навстречу.

Пытаясь скрыть смущение, она обогнула больного и вошла в палату. Парень, заходя следом, спросил:

– Это для кого сегодня такой праздник?

– Есть для кого! – Сказала, девушка, немного успокоившись. Она погладила по руке Ирину Сергеевну, а потом прижалась губами к щеке Витька, проведя волосами по его лицу. Люба достала из пакета баночки и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.